

ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

ВЫХОДИТ 1 РАЗ В МЕСЯЦ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА[®]

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ И АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2017 ТОМ 15
выпуск 6

**REGIONAL
ECONOMICS[®]**

THEORY AND PRACTICE

A peer reviewed analytical and practical journal
Volume 15, Issue 6
2017, June

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Научно-практический и аналитический журнал

Основан в 2003 году
Выходит 1 раз в месяц
До января 2016 выходил 48 раз в год*
Статьи рецензируются

Рекомендован ВАК Минобрнауки России для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций по следующим отраслям:
– экономические науки (08.00.00)
– социологические науки (22.00.00)
– политология (23.00.00)
Реферирован в ВИНИТИ РАН
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-66218 от 01 июля 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Предыдущее свидетельство о регистрации ПИ № 77-14700 от 17 февраля 2003 г. выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Цель журнала – предоставить возможность научному сообществу и практикам публиковать результаты своих исследований, привлечь внимание к перспективным и актуальным направлениям экономической науки, усилить обмен мнениями между научными сообществами России и зарубежных стран

Главная задача журнала – публикация материалов, отражающих закономерности и проблемы функционирования и развития экономики Российской Федерации как системы взаимодействующих субъектов хозяйствования (регионов, экономических зон, крупных экономических районов, субъектов Федерации, территориально-производственных комплексов, промышленных узлов, городских агломераций и других территориальных экономических подсистем)

Учредитель и издатель

ООО «Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ»
Юр. адрес: 111411, г. Москва, Зеленый проспект, д. 8, кв. 1
Факт. адрес: 111397, г. Москва, Зеленый проспект, д. 20
Почтовый адрес: 111401, г. Москва, а/я 10

Редакция журнала

Факт. адрес: 111397, г. Москва, Зеленый проспект, д. 20
Почтовый адрес: 111401, г. Москва, а/я 10
Тел.: +7 (495) 989-9610
E-mail: post@fin-izdat.ru
Website: <http://www.fin-izdat.ru>

Подписано в печать 07.06.2017
Выход в свет 15.06.2017
Валовый (сквозной) номер 441
Формат 60x90 1/8. Объем 25,0 п.л. Тираж 1 320 экз.
Отпечатано в ООО «КТК»
Юр. адрес: 141290, Российская Федерация, Московская обл., г. Красноармейск,
ул. Свердлова, д. 1
Тел.: +7 (496) 588-0866

Подписка

Агентство «Урал-Пресс»
Агентство «Роспечать» – индекс 82327
Объединенный каталог «Пресса России» – индекс 15089
Свободная цена

Журнал доступен в EBSCOhost™ databases
Электронная версия журнала: <http://elibrary.ru>, <http://dilib.ru>, <http://biblioclub.ru>

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей

Переписка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

Редакция приносит извинения за случайные грамматические ошибки

© ООО «Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ»

Главный редактор **Л.А. Чалдаева**, доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

Зам. главного редактора
Н.Э. Бабичева, доктор экономических наук, доцент, Воронеж, Российская Федерация
В.О. Гридин, Москва, Российская Федерация

Редакционный совет

П.В. Акинин, доктор экономических наук, профессор, Ставрополь, Российская Федерация
Г.Ф. Балакина, доктор экономических наук, Кызыл, Российская Федерация
Г.Х. Батов, доктор экономических наук, Нальчик, Российская Федерация
О.А. Доничев, доктор экономических наук, профессор, Владимир, Российская Федерация
М.Н. Дудин, доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация
К.В. Кричанский, доктор экономических наук, профессор, Челябинск, Российская Федерация
В.К. Крутиков, доктор экономических наук, профессор, Калуга, Российская Федерация
Н.Н. Минаев, доктор экономических наук, профессор, Томск, Российская Федерация
К.В. Павлов, доктор экономических наук, профессор, Ижевск, Российская Федерация
В.Ю. Пашку, доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербург, Российская Федерация
В.Г. Садков, доктор экономических наук, профессор, Орёл, Российская Федерация
С.А. Сукнева, доктор экономических наук, доцент, Якутск, Российская Федерация
Л.А. Третьякова, доктор экономических наук, профессор, Белгород, Российская Федерация
Д.П. Фролов, доктор экономических наук, профессор, Волгоград, Российская Федерация
Ш.И. Шарипов, доктор экономических наук, профессор, Махачкала, Российская Федерация

Генеральный директор **В.А. Горохова**
Управляющий директор **А.К. Смирнов**
Зам. ген. директора по производству **А.А. Клюкин**

Ответственный секретарь **И.Л. Селина**
Перевод и редактирование **О.В. Яковлева, И.М. Комарова**
Перевод **Н.А. Шагалова**
Верстка и дизайн **С.В. Голосовский**
Контент-менеджеры **Е.И. Попова, В.И. Романова**
Менеджмент качества **А.В. Бажанов, Е.И. Попова**
Корректоры **О.А. Ковалева, В.А. Нерушев**
Подписка и реализация **Т.Н. Дорохина**

* Подробнее об изменении периодичности выхода журнала см. информацию на сайте: <http://www.fin-izdat.ru/journal/region/about.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Алимова Г.Б. Региональные особенности формирования среды предпринимательства в Киргизии: историко-экономический анализ 1002

РЕГИОН В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Крупина Н.Н. Водоемкость общественного продукта как целевой ориентир водной стратегии России (региональный аспект) 1016

РЕГИОНАЛЬНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Радионова С.П. Выбор механизмов управления развитием региональной экономики в условиях социально-экономической нестабильности и финансовых ограничений 1034

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Лебедева Л.Ф. Политика гарантированного дохода для пенсионеров в США 1055

Криничанский К.В., Фаткин А.В. Сложные вопросы зависимости регионального роста от уровня развития финансового сектора 1068

Янё В.С. Социально-экономическая ситуация Приволжского федерального округа в контексте реализации программы устойчивого развития российских регионов 1082

Трусова Н.С. Влияние налоговой политики на экономику регионов 1100

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

Фархутдинов И.И., Исавнин А.Г. Кластеризация промышленности региона посредством применения моделей сорсинга 1112

Пиньковецкая Ю.С., Гинзбург М.Ю. Бюджетная обеспеченность регионов и развитие малого и среднего предпринимательства в них: опыт российских регионов 1126

Матвишин Д.А. Арктические морские коммуникации в системе развития регионального хозяйства Ямала: обоснование рациональной арктической системы транспортировки природного газа 1136

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС

Столярова Ю.В., Столярова О.А. Совершенствование государственной поддержки молочного скотоводства региона 1148

ИННОВАЦИИ И ИНВЕСТИЦИИ

Киселева Н.Н., Кожиева Ф.А. Теории инноваций и их преломление в хозяйственной практике регионов Северо-Кавказского федерального округа 1162

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Тётушкин В.А. Анализ трендов климатической политики как элемента экономической безопасности Российской Федерации: международный аспект 1173

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ларин С.Н., Лазарева Л.Ю., Ларина Т.С. Модели, методы, показатели, характеристики и метрики, применяемые в экспертных системах оценки качества разработки и создания инновационных программных проектов 1187

REGIONAL ECONOMICS®

THEORY AND PRACTICE

Since 2003

Monthly

Until January 2016, the journal publication frequency was 48 issues per year*

The journal is recommended by VAK (the Higher Attestation Commission) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish scientific works encompassing the basic matter of theses for advanced academic degrees in the areas of Economic, Sociological, and Political Sciences

Indexing in Referativny Zhurnal VINITI RAS

Included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Registration Certificate ПИ № ФС77-66218

of July 1, 2016 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Previous Registration Certificate ПИ № 77-14700

of February 17, 2003 by the Ministry of Press, Broadcasting and Mass Communications of the Russian Federation

The objective of the journal is to provide an opportunity to the scientific and business community to publish original research findings, draw attention to promising and important fields of economic science, strengthen the comprehensive and useful exchange of views between the scientific and business communities in Russia and abroad

The journal's main task is to publish materials that reflect the patterns and problems of functioning and development of the economy of the Russian Federation as a system of interacting business entities: regions, economic zones, major economic regions, RF subjects, clusters, industrial sites, urban agglomerations and other territorial economic subsystems

Founder and Publisher

Publishing house FINANCE and CREDIT
Office: 111397 (zip), Zelenyi prospekt 20, Moscow, Russian Federation
Post address: 111401 (zip), P.O. Box 10, Moscow, Russian Federation
Telephone: +7 495 989 9610

Editorial

Office: 111397 (zip), Zelenyi prospekt 20, Moscow, Russian Federation
Post address: 111401 (zip), P.O. Box 10, Moscow, Russian Federation
Telephone: +7 495 989 9610
E-mail: post@fin-izdat.ru
Website: <http://www.fin-izdat.ru>

Printed by KTK, Ltd., 141290 (zip), ul. Sverdlova, 1, Krasnoarmeysk, Russian Federation
Telephone: +7 496 588 0866
Published June 15, 2017. Circulation 1 320

Subscription

Ural-Press Agency
Rospechat Agency
Press of Russia Union Catalogue

Online version

EBSCOhost™ databases
Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>
University Library Online: <http://biblioclub.ru>

Not responsible for the authors' personal views in the published articles

This publication may not be reproduced in any form without permission

All accidental grammar and/or spelling errors are our own

© Publishing house FINANCE and CREDIT

Editor-in-Chief **Larisa A. Chaldaeva**, Financial University under Government of RF, Moscow, Russian Federation

Deputy Editors

Nadezhda E. Babicheva, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Veniamin O. Gridin, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Petr V. Akinin, North Caucasian Federal University, Stavropol, Russian Federation

Galina F. Balakina, Tuviniyan Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of RAS, Kyzyl, Tyva Republic, Russian Federation

Gumar Kh. Batov, Institute of Computer Science and Problems of Regional Management, KBSC of RAS, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russian Federation

Oleg A. Donichev, Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Mikhail N. Dudin, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Konstantin V. Krinichanskii, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

Valerii K. Krutikov, Institute of Management, Business and Technology, Kaluga, Russian Federation

Nikolai N. Minaev, Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

Konstantin V. Pavlov, Kama Institute of Humanities and Engineering Technology, Izhevsk, Udmurt Republic, Russian Federation

Vadim Yu. Pashkus, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Viktor G. Sadkov, Orel State University, Orel, Russian Federation

Svetlana A. Sukneva, Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University (NEFU), Yakutsk, Sakha Republic, Russian Federation

Larisa A. Tret'yakova, Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

Daniil P. Frolov, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sharip I. Sharipov, Dagestan State Institute of National Economy of Dagestan Republic, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation

Director General **Vera A. Gorokhova**
Managing Director **Aleksey K. Smirnov**
Chief Strategy Officer **Anton A. Klyukin**

Executive Editor **Inna L. Selina**

Translation and Editing **Olga V. Yakovleva, Irina M. Komarova**

Translation **Natalia A. Shagalova**

Design **Sergey V. Golosovskiy**

Content Managers **Elena I. Popova, Valentina I. Romanova**

Quality Management **Andrey V. Bazhanov, Elena I. Popova**

Proofreaders **Oksana A. Kovaleva, Viktor A. Nerushev**

Sales and Subscription **Tatiana N. Dorokhina**

* For information on the journal publication frequency change please visit: <http://www.fin-izdat.ru/journal/region/about.php>

CONTENTS

ECONOMIC HISTORY

- Alimova G.B.* Regional peculiarities of the business environment in Kyrgyzstan:
An historical and economic analysis 1002

REGION IN NATIONAL ECONOMY

- Krupina N.N.* Water-retaining capacity of social product as the target of the Russian waterway strategy:
A regional dimension 1016

REGIONAL STRATEGIC PLANNING

- Radionova S.P.* Selection of mechanisms for management of the development of regional economy
in the conditions of social and economic instability and financial constraints 1034

SOCIOECONOMIC POLICY

- Lebedeva L.F.* The policy of guaranteed retirement income in the United States of America 1055

- Krinichanskii K.V., Fat'kin A.V.* Complex issues of regional growth dependence on the level of financial sector
development 1068

- Yane V.S.* Socio-economic situation of the Volga Federal District in the context of implementation
of the program for sustainable development of Russian regions 1082

- Trusova N.S.* Impact of tax policy on the economy of regions 1100

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Farkhutdinov I.I., Isavnin A.G.* Clustering of industry of the region through the application of sourcing models 1112

- Pin'kovetskaya Yu.S., Ginzburg M.Yu.* Regional budgeting and the small and medium-sized enterprise
development: Evidence from Russian regions 1126

- Matviishin D.A.* Arctic shipping routes for the development of Yamal's regional economy:
A justification of rational Arctic natural gas transportation system 1136

AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

- Stolyarova O.A., Stolyarova Yu.V.* Improving public support of dairy cattle breeding in the region 1148

INNOVATION AND INVESTMENT

- Kiseleva N.N., Kozhieva F.A.* The interpretation of theory of innovation in business practices:
Evidence from the North Caucasian Federal District regions 1162

ENVIRONMENTAL SAFETY

- Tetushkin V.A.* Analysis of trends in climate policy as part of the economic security of the Russian Federation:
The international dimension 1173

SCHOLAR DISPUTE

- Larin S.N., Lazareva L.Yu., Larina T.S.* Models, methods, parameters, characteristics and metrics
used in expert systems of evaluating the quality of the design and development of innovative software projects 1187

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В КИРГИЗИИ: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Гульбар Байышовна АЛИМОВА

старший преподаватель кафедры бизнес-информатики и математических методов анализа в экономике,
Ошский государственный университет, Ош, Кыргызская Республика
alimova.gulbar@mail.ru

История статьи:

Получена 07.02.2017
Получена в доработанном виде
24.02.2017
Одобрена 07.03.2017
Доступна онлайн 15.06.2017

УДК 338:504

JEL: D41, D47, H13, M20, M21

<https://doi.org/10.24891/re.15.6.1002>**Аннотация**

Тема. Статья посвящена проблемам становления предпринимательской среды на примере Кыргызской Республики.

Цели. Выявление и описание существенных аспектов процесса формирования предпринимательской среды в Кыргызской Республике на основе анализа историко-экономических предпосылок регионального развития.

Методология. В исследовании использовались системный подход, методы научного абстрагирования и статистические методы.

Результаты. Выявлены и проанализированы социально-экономические процессы, происходящие в стране, значимые с точки зрения обеспечения преемственности экономической политики по развитию предпринимательства в регионе. Установлено, что историко-экономические тенденции формирования предпринимательской среды Кыргызстана оказывают влияние на современное состояние предпринимательства в регионе. Уточнены основные хронологические рубежи формирования предпринимательской деятельности в республике, которые в совокупности помогают осмыслить современные контуры предпринимательской среды и определить характер перспективного развития региона.

Выводы. Современное состояние среды предпринимательства в Кыргызской Республике – есть итог объективно-исторических и социально-экономических изменений. Бедность населения и имущественное расслоение все еще выступают самыми острыми социальными факторами, негативно отражающимися на качестве человеческого капитала – важном элементе в контексте формирования «среднего класса» в обществе. Устойчивое развитие предпринимательства имеет особое значение в Кыргызской Республике, поскольку в стране именно с развитием предпринимательства связывают успешность рыночной системы хозяйствования. Институциональные проблемы постсоветского периода развития республики существенным образом повлияли на процессы развития предпринимательской деятельности, главным образом значительно сдерживая предпринимательские инициативы экономических субъектов. В целом, несмотря на трудности, предпринимательство в Кыргызстане имеет положительную динамику развития, однако потенциал предпринимательства в стране не раскрыт в полной мере.

Ключевые слова:

экономическая политика,
предпринимательство,
рыночная экономика,
конкуренция, приватизация

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

В постсоветский период, как и все бывшие союзные республики, Кыргызская Республика взяла курс на строительство социально ориентированной рыночной экономики. Важным компонентом рыночной экономики выступает предпринимательство во всех его организационно-экономических проявлениях. Это связано с тем, что в условиях различных форм собственности появляются возможности масштабного развития предпринимательской среды – ключевой предпосылки для функционирования рыночного конкурентного механизма и устойчивого развития многоукладной экономики.

Хорошо известно, что на постсоветском пространстве предпринимательство стало развиваться вначале в сфере посредничества и торговли (челночный бизнес). При этом активно шли процессы первоначального накопления капитала [1, 2]. В момент распада СССР все

республики имели примерно одинаковые стартовые условия для развития малого и среднего бизнеса, поскольку все они были составной частью мощной в социально-экономическом отношении державы. Однако постсоветский период развития характеризовался большими стратегическими упущениями, недостаточной социально-экономической политикой, усилением экономического эгоизма, который мешал реализовывать согласованную хозяйственную политику в едином постсоветском экономическом пространстве. Обострение геополитической ситуации в мире в настоящее время заставляет все страны осуществлять более продуманную и выверенную экономическую политику. Очевидно, что одним из важных направлений развития экономической политики является обеспечение условий для эффективного формирования предпринимательской среды. В мире есть страны, которые «научились

развиваться» несмотря на внешние экономические санкции (Иран), а также страны, которые на фоне санкций Запада развиваются, опираясь на свои внутренние ресурсы и при этом результативно реализуя политику импортозамещения (Россия). Если попытаться выделить общее, то оно, по мнению автора, сводится к вопросу о внутренних предпосылках и условиях развития предпринимательской активности в стране. Объективно геоэкономический стержень страны определяется тем, создана ли в стране предпринимательская среда – «сердцевина механизма выживаемости» национального рыночного хозяйства.

Кыргызская Республика придает большое значение развитию малого и среднего бизнеса, поскольку именно он создает средний класс, который выступает важным компонентом не только с точки зрения устойчивости рыночной системы хозяйствования, но и с точки зрения убедительной демонстрации «результативности» рыночной идеологии и распространения привлекательности образа субъекта хозяйствования, ориентированного на конкурентное поведение, так как известно, что умение и готовность рисковать есть главная черта предпринимательства.

Предпринимательство нужно рассматривать с учетом двух моментов:

- во-первых, предпринимательская деятельность всегда имеет региональный характер, поскольку она реализуется на территории того или иного региона;
- во-вторых, предпринимательство априори значимо с точки зрения социально-экономических отношений и потребностей.

Любое предприятие как главное звено предпринимательства размещается на территории того или иного региона. Предприятия совместно используют природные, материально-финансовые и социально-трудовые ресурсы региона и обеспечивают достижение социальных и экономических целей его развития. Любой территории свойственна многоаспектность структурной организации, в силу чего полезно уточнить саму категорию «регион» в контексте его связи с предпринимательством.

Так, регион одновременно является частью территории и неотъемлемой частью экономического пространства отдельно взятой страны. С точки зрения экономической теории, регион – часть территории, отличающаяся от других по ряду признаков, обладающая некоторой

целостностью, взаимосвязанностью составляющих его элементов. При этом существует система взаимодействия между хозяйственными субъектами, сложный территориально-экономический комплекс со своей структурой связи с внешней и внутренней средой.

Экономика региона рассматривается как сложная многоуровневая система с наличием многочисленных звеньев, сложным характером взаимосвязей между ними. Для целей исследования эту систему целесообразно представить как:

- совокупность субъектов хозяйствования с разными масштабами деятельности, входящих в состав разных отраслей;
- совокупность природно-климатических, ресурсно-экологических, экономических, социальных, организационно-административных условий и факторов, влияющих на деятельность хозяйствующих субъектов;
- относительно замкнутое территорией региона пространство, систему экономических взаимодействий хозяйств различного потенциала, форм собственности, технологических укладов, видов и масштабов деятельности, развивающихся в процессе переплетения связей, взаимного дополнения, обеспечения экономической устойчивости;
- воспроизводственную систему, представляющую собой процесс восстановления производительных сил региона, а также формирование и развитие экономического потенциала региона [3–5].

Внешняя предпринимательская среда складывается на основе формирования, размещения и взаимодействия в регионе природно-климатических, ресурсно-экологических, социально-экономических, правовых условий и факторов, специфичных для различных территорий, представляющих собой региональные особенности. Сами региональные особенности не только непосредственно влияют на результаты хозяйственной и иной деятельности субъектов на данной территории, но и определяют возможности развития предпринимательской инициативы. Характер влияния этих условий в краткосрочном периоде определяется как «предпринимательский климат» региона [6].

Одна из важнейших проблем эффективного развития региона заключается в рациональном использовании имеющихся территориально-хозяйственных и отраслевых преимуществ,

а также в ограниченности социальных, экономических и инвестиционных ресурсов для реализации его стратегических целей и задач. От уровня решения и результативности реализации этих задач во многом зависят эффективность производства, модернизация и обновление производственных фондов, повышение эффективной стратегии регионального развития, включающего три вектора:

- политику выравнивания, направленную на повышение благосостояния и уровня жизни;
- активную региональную политику, стимулирующую рост и развитие конкретных территорий;
- пространственную политику, которая обеспечивала бы рациональное использование территориальных преимуществ, повышала их роль и место в социально-экономическом развитии государства [3, 6].

В современных условиях предпринимательская деятельность в рыночной системе представлена большими и малыми предприятиями. Размеры предприятия определяются, главным образом, количеством работников. Однако на данном этапе процессы автоматизации, компьютеризации и роботизации производства приводят к тому, что в определении размера предприятия начали играть роль и такие признаки, как объем продаж, суммарная величина активов, полученная прибыль.

Таким образом, можно констатировать, что современное предпринимательство есть органический синтез крупного и мелкого производства. Говоря образно, если крупное производство образует некий «скелет», «несущий хребет» производственной системы, то мелкое производство является «дополняющей мягкой и эластично-гибкой тканью», без которой крупное производство не может полноценно развиваться и существовать.

Рассмотрим достигнутый уровень развития предпринимательской деятельности в Кыргызской Республике. По нашему мнению, при этом полезно сделать историко-экономический анализ существенных аспектов процесса становления предпринимательской среды в республике, поскольку он поможет глубже понять наблюдаемые экономические процессы и более критически осмыслить полученные итоги. Важной предпосылкой устойчивого социально-экономического развития и обеспечения достойного уровня жизни населения является

становление современного предпринимательства, соответствующего всем требованиям цивилизованных отношений. Развитие предпринимательства в Кыргызстане является стратегически значимой задачей, поскольку перспективы киргизской экономики во многом определяются уровнем развития предпринимательства. Очевидно, что расширение его сферы будет содействовать:

- насыщению локального, национального и регионального рынков разнообразными товарами и услугами;
- созданию здоровой конкурентной среды и новых рабочих мест;
- формированию нового среднего класса, являющегося гарантом общественно-политической и социально-экономической стабильности государства.

Предпринимательство значимо и в контексте увеличения доходной части государственного бюджета, ускорения научно-технического прогресса и смягчения социальной напряженности. Кроме того, оно имеет большой потенциал для роста, структурных изменений и генерирования дополнительных доходов.

Известно, что во многих развитых странах предпринимательство выступало и выступает ключевым средством в деле обеспечения социально-экономического благополучия регионов и преодоления бедности населения. Хотя нужно четко осознавать, что оно развивалось там в течение многих и многих лет. В свете этого и в целях осмысления общеэкономических основ развития предпринимательства в Кыргызской Республике уместен исторический экскурс в прошлое с тем, чтобы четче понимать специфику становления среды предпринимательства. Обретение независимости было реакцией на разрушительные процессы на постсоветском пространстве. Так, после развала СССР, Киргизия, как и все бывшие советские республики, оказалась перед необходимостью самостоятельного реформирования национального хозяйства. К этому времени киргизское предпринимательство имело определенный, хотя и незначительный опыт, поскольку с момента принятия Закона СССР «О кооперации в СССР» (1988 г.) начался кратковременный бум развития кооперативных отношений. Кроме того, постановление Совета Министров СССР «О мерах по созданию и развитию малых предприятий», которое было принято в 1990 г., дало первый импульс развитию предпринимательства. Можно констатировать, что

наблюдался некий «миниатюрный ренессанс» НЭПа в республике: в 1990 г. в Кыргызской ССР уже действовало 17 270 кооперативов, где трудились более 38 тыс. чел. (2,2% от общей занятости, работающих в народном хозяйстве Киргизии). А за 1990–1991 гг. численность малых предприятий выросла в 5 раз. В целом предпринимательский сектор в 1989–1990 гг. функционировал стабильно, и его доля в производстве товаров массового потребления составляла 37 млн руб., что равнялось 12% от общей совокупной товарной массы [7].

Само право на предпринимательскую деятельность было признано Законом Республики Кыргызстан «О свободе экономической деятельности и развития предпринимательства» (январь 1991 г.). Затем был принят закон от 20.12.1991 № 683-ХП «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан», гарантирующий защиту прав и интересов предпринимателей.

Конечно, институционально-правовые изменения очень важны, но, безусловно, нужно учитывать и общеэкономические предпосылки, определяющие социально-экономическую обстановку в республике. В этом смысле стартовая пятилетка самостоятельного развития Киргизии характеризуется удручающими социально-экономическими показателями развития. Первая «пятилетка» (1991–1995 гг.) суверенного Кыргызстана характеризовалась резким спадом экономического развития: валовой внутренний продукт сократился более чем на 40%. Стартовое положение республики к рынку осложнило отсутствие освоенных запасов нефти и газа. Поставка нефтепродуктов и газа по льготным ценам была важным направлением в развитии экономики, так как Киргизия в составе СССР постоянно получала дотации. Льготные цены на энергоносители были «ликвидированы» из-за либерализации цен в России в январе 1992 г. Помимо льготных поставок газа и нефти Киргизская ССР получала дотации еще по двум направлениям:

- инвестиции в экономику страны в размере 29,7% валового внутреннего продукта Кыргызской ССР в виде материально-финансовых потоков в промышленность, социальную и производственную инфраструктуру;
- прямые дотации к республиканскому бюджету в размере 4% от валового внутреннего продукта.

Прекращение дотационного финансирования после распада СССР отразилось в 1993 г. на

валовом внутреннем продукте Кыргызской Республики двукратным падением (52% по сравнению с 1990 г.), которое произошло всего за три года. Для сравнения, в годы Великой Отечественной войны валовой внутренний продукт СССР сократился на 26% против уровня 1940 г. [8, 9].

Можно выделить следующие существенные особенности формирования предпринимательского сектора Кыргызской Республики в период 1990-х гг.

Во-первых, в период с 1991 по 1995 г. бурно развивалось товарно-посредническое предпринимательство, поскольку произошла либерализация внешней торговли и снятие запретов на частную торговлю. В это время основная часть частнопредпринимательской деятельности без привлечения наемного труда была представлена «челночным» бизнесом. В частности, к концу 1995 г. доля частного предпринимательства без привлечения наемного труда составляла 42%. При этом в Кыргызской Республике функционировало 4 676 малых предприятий, из них 192 (4%) государственных и 4 484 (96%) негосударственных предприятий. В отраслевой структуре в 1991–1995 гг. доля производственных предприятий понизилась, а доля торговых и посреднических организаций резко повысилась. Предпринимательский сектор, имея недостаточно развитую собственную материально-техническую базу, испытывал трудности при приобретении сырья, материалов и оборудования. Поэтому предприниматели стали переориентироваться на посредничество: оказание услуг, где можно не делать крупных инвестиций [7].

На данном этапе первоначальное накопление капитала осуществлялось особенно быстро в предпринимательских структурах, задействованных в сфере банковского, биржевого, инвестиционного и рекламного дела. Однако следует признать, что фактически в 1991–1995 гг. вся экономика страны развивалась по законам первоначального накопления капитала. Другими словами, наступили времена «политической авантюры и экономического мошенничества». На этом фоне по «заботливой» подсказке заморских адептов рыночной экономики невероятно быстро была разрушена колхозно-совхозная система в Киргизии [9].

Во-вторых, происходил решительный перелом в социальной психологии общества и экономическом мышлении людей, поскольку они получили свободу для предпринимательства.

Такие мотивационные изменения в мышлении населения страны шли на фоне развала государственных предприятий, разрыва хозяйственных связей на постсоветском пространстве, роста реальной и скрытой безработицы. Все это, как правило, сдерживало быстрое развитие предпринимательства, потому что работники в своей массе не были готовы к решительному переходу на рельсы предпринимательства, а ориентировались в первую очередь на вспомогательные заработки, выполнение подсобных работ, разовые шоп-туры. В этот период начали вырисовываться контуры совершенно новой модели занятости в частном секторе экономики Кыргызской Республики, в соответствии с которой временные работники начали составлять значительную часть (от 1/3 до 3/4) по отношению к численности занятых на постоянной основе, так как «происходит все больше сжатие официальной экономики, и, следовательно, возможностей гарантированной постоянной работы» [10].

Необходимо отметить, что масштабное отрицательное влияние оказала на становление среды предпринимательства и принятая Киргизией модель «шоковой терапии» рыночных реформ. Если за период времени с 1990 по 2001 г. объем валового внутреннего продукта на душу населения в России сократился в 3,32 раза, в Узбекистане – в 4,07 раза, в Казахстане – в 1,66 раза, то в Киргизии он сократился в 11,15 раза (!). Многими авторами справедливо отмечается, что самые радикальные рыночные реформы были реализованы именно в постсоветской Киргизии [11–13].

В-третьих, не менее драматичные явления наблюдались в процессе институциональных изменений. В ходе формирования законодательной базы, регулирующей предпринимательскую деятельность, возникали проблемы недостаточной продуманности экономических законов и отсутствия четких механизмов их реализации. Первоначальным законам была свойственна декларативность, неконкретность и обтекаемость формулировок. Например, в Законе «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства» (1991 г.) термин «малое предприятие» не определен. В Закон «О налогах с предприятий, объединений и организаций» с 1991 по 1995 г. было внесено пять изменений: в 1992 г. – три, в 1994 г. – два.

А, например, в Налоговый кодекс Кыргызской Республики начиная с 1996 г. были внесены более 500 поправок и дополнений [14]. При большом

количестве нормативных документов отсутствовала четкая координация действий между юридически значимыми субъектами. Многие нормативные документы дублировались, при этом вновь принятый законодательный акт не отменял предыдущий, что делало невозможным наладить механизм контроля за их исполнением. Все это в совокупности порождало новые риски для предпринимательской деятельности. Право не спасало от давления коррупции и бюрократического произвола, а порождало его отторжение (правовой нигилизм) и мешало процессу возрождения предпринимательства. Однако предприниматели не сидели сложа руки. Они искали пути выхода, следили за событиями, консультировались с юристами и экономистов. Это, по сути, стало дополнительным тренингом для настоящих предприимчивых людей.

Хотя формирование законодательной базы предпринимательской деятельности все еще продолжается, особенно пагубно на развитие частного предпринимательства повлияли неразбериха и противоречия в экономическом законодательстве республики в 1990-е гг. Однако, несмотря на все трудности, во второй половине 1990-х гг. начали проявляться закономерности цивилизованных рыночных отношений, поскольку стали наблюдаться элементы рыночной концентрации капитала из-за процесса поглощения предприятий.

В экономике страны усиливается рыночная конкуренция, малорентабельные мелкие предприятия не могут соперничать со средними и крупными фирмами и вынуждены прекращать свою деятельность. Образно говоря, «ушло время мелких торговых ларьков и пришло время цивилизованно оформленных торговых центров». Уходит время первоначального накопления капитала и приходит эпоха цивилизованных рыночных отношений.

Наконец, нельзя не рассмотреть и такой важный аспект суверенного развития Кыргызстана, как изменения в сфере собственности, поскольку переход к рынку предполагал масштабную реформу отношений собственности. Поэтому к главным институциональным преобразованиям относятся разгосударствление и приватизация собственности, которая в Кыргызской Республике осуществлялась значительными темпами. Разгосударствление и приватизация должны были стать основой для формирования рыночных отношений во всех секторах экономики.

Если в начале переходного периода (1991 г.) государственные объекты продавались только

трудовым коллективам и частным лицам, то в последующем стали использоваться и другие формы приватизации (тендеры, акционирование). Уже к 1995 г. удельный вес приватизированных предприятий в бытовом обслуживании составлял 100%, в торговле и общественном питании – 95%. Однако в целом доля приватизированных предприятий в различных отраслях народного хозяйства была неодинакова. Еще одной особенностью являлось то, что очень много малых предприятий создавались на базе старых государственных организаций. Например, по сообщениям некоторых ученых-экономистов, в Бишкеке около 40% кооперативных кафе было создано на базе государственных предприятий общественного питания, поэтому общее количество кафе не увеличилось, а цены возросли [7].

Не все было гладко и в ходе разгосударствления и приватизации. Необходимо отметить, что «хотя процесс приватизации происходил наиболее интенсивно, тем не менее пока он не оправдал возложенных на него надежд. В числе основных причин можно назвать то, что в отраслях экономики ведущей формой приватизации стало преобразование действующих предприятий в акционерные общества с большей долей государственного пакета акций, в результате чего преимущества модели корпоративного управления и контроля в достаточной мере не проявились. Неудивительно, что первыми предприятиями, признанными банкротами в соответствии с Законом «О банкротстве», стали именно акционерные общества, доля государства в уставном фонде которых составляла от 68 до 95%» [15].

Убыточность предприятий и организаций отдельных отраслей экономики Кыргызской Республики к концу 1990-х гг. приведена в *табл. 1*.

Говоря о процессах разгосударствления и приватизации в республике в 1990-е гг., безусловно, следует отметить не совсем честные способы их проведения, которые отмечают многими экономистами. Кроме того, все образованное население страны было осведомлено о так называемой «прихватизации». Исследователи данной проблемы отмечают, что «чрезмерно высокими темпами шел процесс внедрения частной собственности на основе разгосударствления и приватизации, раздробления крупных производств на мелкие». По данным Государственного комитета по управлению государственным имуществом и привлечению инвестиций, «в ходе реформы управления

государственной собственности было преобразовано 6 906 государственных предприятий и объектов, в том числе:

- в промышленности – 542 ед.;
- в сельском хозяйстве – 365 ед.;
- в строительстве – 430 ед.;
- в сфере бытового обслуживания – 1 936 ед.;
- в сфере торговли и общепита – 1 912 ед.;
- в других отраслях – до 100%.

Оценочная стоимость всех приватизированных объектов составила 14,3 млрд сомов. Однако за 10 лет проведения реформы по разгосударствлению и приватизации государственной собственности в бюджет Кыргызской Республики поступило всего 784 млн сомов, или 5,6% стоимости приватизированного имущества» [13].

По мнению автора, такого грабительского, бездарного и провального примера разгосударствления и приватизации, по всей видимости, не было в экономической истории, когда в бюджет государства не поступила и 1/10 часть оценочной стоимости объектов. Неудивительно, что в результате такого «уникального» реформирования произошел небывалый спад объемов выпускаемой продукции, остановились многие предприятия, возросла безработица, резко сократились заработки и доходы сотен тысяч людей. Последствия такой провальной приватизации в Кыргызской Республике ощущаются до сих пор, поскольку «высокоскоростное» разгосударствление собственности носило отнюдь не созидательный характер, так как приводило к появлению множества организационно-юридических собственников, которые не всегда являются эффективными хозяйственниками. Прав был академик Л.И. Абалкин, который писал, что «двигателем прогресса, мощным ускорителем развития производительных сил и повышения их эффективности являются не сами по себе формы собственности, а экономический, или хозяйственный, механизм. Именно он развивает свободу, дает стимулы к предприимчивости, рождает риски» [16].

Навязанные извне модели хозяйствования не сработали в полной мере и не оправдали первоначальные надежды, так как идеализировались положения всеобщей конкуренции, которые соответствовали периоду дикого капитализма в странах Запада. Для

Киргизии на начальных этапах рыночных реформ характерна политико-экономическая наивность, которая, впрочем, свойственна была практически всем постсоветским республикам. Некоторые исследователи справедливо замечали, что «другая крайность ярко высветилась в период проведения либеральных «реформ», и она заключалась в гипертрофии теперь уже частных форм и способов присвоения при абсолютизации возможностей механизма свободного рынка, основанного на известных принципах «невидимой руки» А. Смита» [17].

Таким образом, существенным упущением явилась непродуманность механизмов по адаптации приватизированных объектов к новым условиям хозяйствования. Верно было отмечено Б.Х. Кубаевым, что «приватизированные хозяйствующие единицы, структуры не несли должной ответственности перед обществом, не был отработан экономический механизм задействования их ответственности» [18]. Поэтому неудивительно, что в Киргизии «...приватизация не привела ни к улучшению функционирования предприятий, ни к росту уровня жизни, вызвав общее разочарование в рыночных реформах» [15].

Таким образом, можно констатировать, что в первые 10 лет перехода к рыночной экономике начали активно формироваться экономические, социальные, правовые и технологические условия предпринимательства. С учетом того, что собственность выступает объективной основой предпринимательства, молодое государство проводит масштабную кампанию по разгосударствлению и приватизации. В хозяйственной практике начала распространяться рыночная философия, во всех секторах экономики стали доминировать рыночные принципы предпринимательства.

Подводя первые итоги развития предпринимательства, можно сформулировать следующий вопрос: «Какие содержательные итоги формирования среды предпринимательства характерны для экономики Кыргызской Республики на рубеже тысячелетий?».

Для ответа на этот вопрос остановимся на самых основных моментах развития предпринимательства в Кыргызстане за этот период.

«Вторая пятилетка» (1996–2000 гг.), ознаменовалась процессами формирования социальной базы рыночных реформ, становления частного сектора и углубления рыночных институциональных изменений. Одним из достижений, с точки зрения строительства

рыночной системы, явился бурный рост частного и сокращение государственного секторов по объему произведенного внутреннего валового продукта, численности занятых и количеству предприятий (табл. 2).

Уже к 1999 г. вклад частного сектора во внутренний валовой продукт вырос более чем в 6 раз. Количество предприятий в частном секторе достигло 160 тыс., и динамичными темпами росла доля малого и среднего предпринимательства во внутреннем валовом продукте [8]:

- в 1992 г. она составляла 3,1%;
- в 1995 г. – 8,8%;
- в 1998 г. – 10,1%.

Энергично осуществлялась и аграрная реформа. Если на начальном этапе (1991–1995 гг.) формировалась правовая среда функционирования частной собственности и предпринимательства, то на втором этапе (1996–2000 гг.) продолжалось совершенствование ее правовой базы. По результатам референдума, проведенного 17 октября 1998 г., был введен институт частной собственности на землю, выделены земельные наделы, земля была передана бесплатно на правах частной собственности сроком на 99 лет с правом распоряжения по своему усмотрению.

Нужно отметить, что Кыргызстан вступил во Всемирную торговую организацию одним из первых среди стран СНГ – в 1998 г. Но крайне низкой оказалась конкурентоспособность производимой продукции предприятий Кыргызстана, поэтому внутренний рынок стал заполняться товарами из-за рубежа. Низкая конкурентоспособность промышленности затрудняла ее реструктуризацию, обновление технологий, диверсификацию производства и экспорта. Все это в совокупности с некомпетентностью и низким профессиональным уровнем ряда руководителей системы государственного управления фактически сводило на нет все преимущества от членства в ВТО [8].

Так, к 2000 г. в Кыргызстане в сфере предпринимательства были уже приняты более 30 законов, 36 указов президента и более 100 постановлений правительства. В стране преобладало малое предпринимательство, которое по организационно-правовому статусу имело следующую структуру:

- крестьянские, фермерские хозяйства – 36%;

**ВОДЕМОКНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА КАК ЦЕЛЕВОЙ ОРИЕНТИР
ВОДНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Надежда Никифоровна КРУПИНА

доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета,
Пятигорск, Российская Федерация
krupina_n17@mail.ru

История статьи:

Получена 26.12.2016
Получена в доработанном виде
12.01.2017
Одобрена 23.01.2017
Доступна онлайн 15.06.2017

УДК 332.14: 330.15:556

JEL: Q25

<https://doi.org/10.24891/re.15.6.1016>**Ключевые слова:**

водопользование, водоемкость,
водные экстерналии, потери
воды, дифференциация
инструментов
администрирования

Аннотация

Предмет. В работе представлены тенденции и динамика показателей водопользования российских регионов и поиск методических подходов к выбору мер администрирования в ходе реализации Водной стратегии страны.

Цели. Анализ ключевых показателей водопользования, выявление региональных особенностей и тенденций изменения водоемкости, осмысление потерь воды, определение стратегических позиций регионов в сравнении с целями национальной Водной стратегии.

Методология. В ходе исследования использовались сравнительный анализ данных статистики и статистический метод для расчета удельных показателей и ранжирования регионов. Для обоснования рекомендаций по ранжированию водопользователей и мер администрирования был применен матричный инструментарий.

Результаты. Рассмотрены актуальные задачи водопользования, обобщены современные точки зрения на расширительное толкование социо-эколого-экономической сущности водоемкости, уточнен состав аспектов для учета и оценивания, обоснована необходимость расширенного толкования категории «водоемкость» с позиции международных требований и представлен состав ее элементов, включающий расход пресной и оборотной воды, потери, объем сточных вод и водные экстерналии. Предложена классификация потерь воды (технические, технологические, аварийные, коммерческие, бесполезные) и разработан матричный подход к обоснованию мер администрирования.

Выводы. В отдельных регионах страны формально достигается снижение водоемкости продукта, однако взаимообусловленность социальных, экономических и экологических аспектов проектов бережливого водопользования диктует необходимость более полного учета факторов, определяющих изменение удельного водопотребления. Расширенное толкование показателя водоемкости с учетом взаимной координации показателей расхода и потерь воды и предложенный матричный инструментарий ранжирования регионов и мер административного воздействия способствуют повышению эффективности государственного контроля за ходом реализации Водной стратегии. Полученные результаты могут быть использованы как на уровне менеджмента предприятий, так и на уровне контролируемых органов исполнительной власти.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Водная стратегия и гипотеза исследования

В решении проблем водопользования наряду с Водным кодексом¹ важную роль играет Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 г.² (далее – Водная стратегия), на финансирование которой предусмотрено 662 млрд руб. (480 млрд руб. из федерального бюджета). Стратегические ориентиры нацелены на достижение комплекса экологических и социально-экономических результатов: снижение водоемкости общественного продукта, потерь воды, уровня загрязнения водоемов (*табл. 1*). Известно, что сокращение водоемкости производства эквивалентно энергосбережению.

¹ Водный кодекс Российской Федерации: утвержден Федеральным законом от 03.06.2006 № 74-ФЗ.

² Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года и план мероприятий по ее реализации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.08.2009 № 1235-р.

В оценке тенденций водопользования ключевым является показатель водоемкости общественного продукта (валового внутреннего или регионального продуктов). Однако реализуемый статистический подход к расчету показателя и последующей диагностике состояния водопользования носит формальный характер, ограничивается оценкой динамики расхода свежей воды, не предполагает детализации потерь ресурса и учета нарастающих водных экстерналий. Водоемкость есть многомерная характеристика, определяющая не только объемы водопотребления, но и последствия истощения и загрязнения водных источников. Расширенное понимание водоемкости дает возможность улучшить управляемость ходом реализации Водной стратегии, так как ориентирует на выбор мер администрирования, максимально соответствующих конкретной ситуации,

сложившейся в регионе, отрасли, конкретном субъекте хозяйствования.

Гипотеза исследования подразумевает, что конкретные условия водопользования характеризуются высокой степенью разнообразия изменения объема потребляемого ресурса. Обоснование и выявление водных и неводных факторов и закономерностей рационального водопользования невозможно без выделения, детализации и оценивания таких базовых элементов, составляющих водоемкость общественного продукта, как реальные потери воды (неизбежные и потенциально устранимые) и водные экстерналии (водный след и водный стресс). Это расширяет методологическую основу выработки инструментов администрирования в целях реализации требований Водной стратегии России.

Потребность в расширении набора водных и неводных факторов оценивания структуры и динамики водоемкости объясняется спецификой водопользования, которая:

- 1) интегрирует два организационно, технологически и пространственно разграниченных процесса – водоснабжения и водоотведения;
- 2) характеризуется противоречивостью целей различных групп заинтересованных сторон:
 - минимальными затратами и предпринимательской прибылью для водоканалов;
 - бесперебойностью поставок, нормативным качеством и доступными тарифами для потребителей;
 - водосбережением и сохранением водного фонда для государства;
 - предотвращением загрязнения и истощением природных водных объектов для человечества в целом;
- 3) претерпевает сложный процесс приватизации водных объектов и развития конкуренции на рынке услуг водоснабжения и водоотведения;
- 4) предполагает необходимость повышения эффективности управления водными ресурсами в целях окупаемости и рентабельности затрат, сохранения природного водного фонда, доступности и непрерывности предоставления качественных услуг.

Водоемкость продукта как стратегический ориентир

Водоемкость продукта является обобщенной макроэкономической характеристикой, отражающей в своей динамике всю совокупность природно-климатических, социально-экономических и производственных изменений в водной инфраструктуре и сопряженных отраслях жизнедеятельности. Она показывает объем воды, затраченный для получения единицы общественного продукта в результате производственно-хозяйственной деятельности и бытового обслуживания населения, а динамика водоемкости демонстрирует тенденции использования водного ресурса и реализации мер водосбережения. Показатель отражает динамику всей совокупности сложных позитивных и негативных изменений производственных процессов и общественных отношений в сфере современного водопользования. Отмечаются разные подходы в толковании социально-экономической и экологической природы водоемкости.

В водопотребление входит не только использование воды непосредственно потребителем, но и потери воды на испарение и фильтрацию из водохранилищ и каналов. С точки зрения использования и охраны водных ресурсов производственная деятельность водопотребителей характеризуется [1]:

- общим водопотреблением (суммой забора свежей и оборотной воды);
- забором свежей воды (пресной или морской);
- забором оборотной воды;
- водоотведением;
- безвозвратным водопотреблением;
- объемами сброса загрязнений;
- тепловым загрязнением.

По оценкам экспертов, водоемкость российского валового внутреннего продукта находится в пределах 2,5 м³/тыс. руб. Согласно исследованиям А.П. Демина (2009 г.) водоемкость валового внутреннего продукта по расходу свежей воды равна 1,8 м³/тыс. руб., а по совокупности свежей и оборотной воды – 6,1 м³/тыс. руб., что значительно выше показателя в странах мира с развитой экономикой [2]. Нами были выполнены

расчеты водоемкости регионального продукта на основании данных Росстата за 2013–2014 гг. (табл. 2). Выявлено, что по расходу свежей воды водоемкость изменяется в интервале от 0,54 до 7,77 м³/тыс. руб., по объему отводимых сточных вод – от 0,4 до 2,23 м³/тыс. руб. По совокупности расходов свежей и оборотной воды показатель изменяется от 3,22 (Дальневосточный федеральный округ) до 13,12 (Северо-Кавказский федеральный округ) м³/тыс. руб. Разброс значений показателей объясняется не только структурными изменениями в экономике, технологической отсталостью, износом основных фондов, но и хозяйственной специализацией, ресурсами речного стока, численностью населения, применяемыми технологиями земледелия, объемами инвестиций в водоохранные мероприятия и др.

При этом была выявлена прямая связь между величиной валового регионального продукта и объемом общего водопотребления, хотя для показателя, рассчитанного по расходу свежей воды, корреляция противоречивая [3]. Старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук В.Ф. Фомина обращает внимание на то, что авторы Водной стратегии рассчитывают водоемкость по потреблению свежей воды, в то время как в качестве контрольного индикатора целесообразно использовать «полную водоемкость» по сумме потребления свежей и оборотной воды [4]. Недочет оборотной воды усложняет выбор оптимального варианта решения проблемы снижения водоемкости в регионах. Выполненные В.Ф. Фоминой расчеты показали, что в 2007 г. средняя полная водоемкость общественного продукта составляла 7,3 м³/тыс. руб., что в 3 раза превышает значение желаемого стратегического показателя по свежей воде (2,4 м³/тыс. руб.). Кроме того, в зависимости от вида воды, учитываемой при расчете показателя водоемкости, меняются и позиции федеральных округов:

- по использованию свежей воды наиболее водоемкими являются Южный (7,1 м³/тыс. руб.) и Северо-Западный (4,2 м³/тыс. руб.) федеральные округа;
- по показателю полной водоемкости – Южный, Приволжский, Сибирский и Уральский федеральные округа.

Заведующая лабораторией водных ресурсов и водопользования Института водных и экологических проблем Сибирского отделения

Российской академии наук И.Д. Рыбкина выполнила сопоставительный анализ эффективности водопользования в регионах Западной Сибири, убедительно показав решающее влияние отраслевой специализации региональной экономики на динамику удельного водопотребления и водоемкость продукта [5].

Интересен подход экономиста М.Ю. Тарасовой, предложившей в целях актуализации стратегических задач водопользования использовать следующие «опережающие» экоиндикаторы эффективности управления водными ресурсами [6]:

- водоемкость производственного комплекса;
- рациональность использования доступных водных ресурсов (удельный вес потерь воды в общем объеме водозабора);
- уровень техногенной нагрузки на водные объекты (удельный вес сброса загрязненных сточных вод в общем объеме водоотведения);
- техническую оснащенность водохозяйственных объектов (отношение мощности действующих очистных сооружений к объему общего водоотведения);
- инвестиционную активность в сфере специального водопользования (долю капитальных инвестиций на водоохранные цели в объеме капитальных инвестиций);
- уровень налогообложения водопользователей (долю экологических налогов и сборов за специальное водопользование в общем объеме налогов в госбюджет).

Кроме того, экспертами даются рекомендации по расширению перечня контрольных индикаторов реализации Водной стратегии в регионах. Они предлагают следующие индикаторы:

- объем использованной оборотной воды;
- уровень технологического развития производства;
- удельное водоотведение по категориям сточных вод (нормативно-чистые, без очистки, подлежащие очистке);
- грязеемкость продукции.

За рубежом широко используются такие оценочные показатели водопользования [4]:

- водоемкость в сельском хозяйстве, м³/долл.;
- водоемкость в промышленности, м³/долл.;